

СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М. : Издательство политич. литературы, 1979. – С. 102–103.

15. Заявление правительства от 20 января 1927 года о присоединении Республики Польша к Международной конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, подписанной с соответствующим Положением в Гааге 18 октября 1907 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/przystapienie-rzeczypospolitej-polskiej-do-miedzynarodowej-konwencji-16777535>. – Дата доступа: 5.06.2023.

16. Договор между СССР и Польской Республикой о советско-польской государственной границе. Москва, 16 августа 1945 г. // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. – М. : Наука, 1974. – С. 541.

О. В. Друзенюк

**СТАРООБРЯДЦЫ В БССР: К ВОПРОСУ
О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С МЕСТНЫМ НАСЕЛЕНИЕМ
(СЕРЕДИНА 1940-Х – СЕРЕДИНА 1960-Х ГОДОВ)**

Этноконфессиональная ситуация на территории современной Беларуси издавна характеризовалась своим многообразием. Со второй половины XVII в. одним из ее неотъемлемых компонентов становятся представители старообрядчества, вынужденные выезжать за границы Российского государства, спасаясь от преследований русского правительства. Условия для жизни и деятельности, сложившиеся в данном регионе в тот период, благоприятствовали компактному расселению и закреплению здесь сторонников старой веры.

В отношениях с местными жителями представителей данной конфессии, в первую очередь, отличала изолированность и обособленность. Проживали староверы в основном отдельными поселениями, стараясь не смешиваться с ними. Выделялись также и другие черты, присущие старообрядцам. Еще в изданиях XIX в. в сравнении с белорусами отмечались их предприимчивость, находчивость, изворотливость и расторопность [1, с. 44]. Особенно подчеркивалось трудолюбие и терпение представителей рассматриваемого религиозного течения [2, с. 42]. Труд для староверов являлся важнейшей функцией человека, а соответственно средством спасения его души. Это понятие объединяло как физическую и духовную сторону деятельности личности, так и активность, связанную с предпринимательством, торгов-

лей. «Для старообрядцев сам факт выживания веры был тесным образом увязан с телесным выживанием. Труд, направленный на спасение веры, был освящен». В своем большинстве в среде староверов сформировалось отрицательное отношение к туеядству [3, с. 34–35].

В середине 1940-х – середины 1960-х гг., контролируя функционирование старообрядческих общин на территории БССР, представители официальных инстанций регулярно обращали внимание на специфику обозначенной конфессии, отмечая выработанную верующими на протяжении не одного десятка лет «привычку к нелегалитету, замкнутости, консерватизму, резкую нетерпимость к инаковерию...» [4].

Однако, обозначенного рода изолированность, несомненно, не исключала полностью контакты староверов с местным населением. Характер этих отношений определялся различными факторами. Исследователями данной проблематики отмечалась зависимость качества обозначенных связей от принадлежности старообрядцев к действовавшим соглашениям. Согласно результатам проведенных исследований, на белорусских землях большую нетерпимость к местному православному населению проявляли представители беспоповства [5, с. 177 ; 6, с. 86]. Подобного рода характеристика встречалась и в отдельных отчетных материалах представителей контролирующих советских органов. Например, описывая в 1945 г. членов Борисовского объединения беспоповцев поморского согласия, уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Минской области, отмечал, что староверы данной местности «страшно ненавидели русских православных священников» [7].

В рассматриваемый период для местных жителей одним из характерных отличий старообрядческого населения продолжал оставаться их внешний вид. Основными элементами присущими староверам они называли длинные бороды и длинные рубашки. Внимание акцентировалось и на языковых особенностях. По словам местного населения, представители данной конфессии говорили на другом русском языке – «московском» [8, с. 37–40]. При этом в их речи отмечалось мягкое окончание в словах. Например, еще в отдельных краеведческих материалах 1930-х гг., касавшихся старообрядцев Гомельщины, описывалось частое употребление представителями данного религиозного течения слова «нонче» [9, с. 44].

Среди местного населения сложилось убеждение, что православная вера – это белорусская. Старообрядчество же считалось ими чисто русской верой. Согласно этнографическим материалам, замкнутость присущая староверам не оказывала существенного влияния на их общение с окружающим населением, особенно во время проведения религиозных и сезонных праздников [8, с. 37–40].

Так, например, у старообрядцев Видзовской общины издавна сложилась традиция особым образом праздновать Троицу. Еще во времена крепостного права, «в месте под названием «Сегинка»», примерно в 2 км от Видз проходили гуляния. Для населения владельцем имения подготавливалось угощение в виде приготовленных целиком на вертеле быков и алкогольных напитков. Каждый из праздновавших имел возможность взять столько мяса, сколько мог употребить. Старообрядцы на этом празднике организовывали торговлю сладостями. Привычка отмечать этот праздник у жителей сохранилась, однако с течением времени изменились его суть и место. Каждый год, чтобы почтить память умерших, староверы собирались на старообрядческом кладбище в роще возле озера Лазенки. Некоторые из них торговали напитками и продовольствием. По воспоминаниям одной из местной жительниц, в начале 1950-х гг. дети «ходили к автолавкам на «московские могилки»». На протяжении советского периода на Троицу староверы все также осуществляли торговлю сладостями [10, с. 162–163].

Во второй половине 1950-х гг. в старообрядческом обществе д. Огородня-Гомельская Добрушского района Гомельской области по словам председателя колхоза, силами верующих местного старообрядческого объединения периодически организовывались ярмарки, которые продолжались в течение двух дней и собирали большое количество приезжих [11]. По воспоминаниям жительницы указанного населенного пункта, в исследуемые годы старообрядческое население активно занималось садоводством. Местные яблоки регулярно отправлялись в Москву и Ленинград (современный Санкт-Петербург). По ее словам, самые ранние овощи и рассада также появлялись у староверов [12, с. 219].

В отношениях старообрядцев и местного белорусского населения особого внимания заслуживал брачный вопрос. В своем большинстве представители данной конфессии браки заключали среди своих. Однако имели место случаи, когда девушка-старообрядка выходила замуж за белоруса или латыша [1, с. 44].

Увеличение числа смешанных браков исследователями старообрядчества отмечалось в XX в. Отношение к ним у староверов было различное. Лояльно чаще всего воспринимали переходивших в старообрядчество для женитьбы на девушке данной конфессии. Отечественный исследователь старообрядчества Т. И. Хурсан утверждает, что уровень лояльности в брачном вопросе возрос после окончания Второй мировой войны [13, с. 96–97, 103].

По сведениям местных жителей д. Богушовки Бобруйского района, в рассматриваемый период был случай, когда «кацап» (так в дан-

ной местности называли старообрядцев) для того чтобы жениться на белорусской девушке перед своими единоверками «разыгрывал дурака». В результате чего местные староверы стали считать парня неадекватным, а его родители были вынуждены дать разрешение на этот брак, чего собственно и добивался молодой человек. Кроме того, местные жители сообщали, что традиционно в данном населенном пункте старообрядцы на свадьбу сыну дарили крест, а дочери — икону Богородицы.

В исследуемый период продолжают отличаться своим внешним видом и жилые дома староверов. Так, на примере Бобруйщины, можно отметить, что в их архитектурном украшении все также просматривалось «влияние самобытной старообрядческой культуры: фронтон «защиток» и наличники с резьбой, ошалеванные углы дома» [14, с. 144–145].

Таким образом, в середине 1940-х – середине 1960-х, по свидетельствам местных жителей, староверы, проживавшие на территории БССР, отличались внешностью, особенностями речи, видом жилых домов. Обособленность представителей данной конфессии не исключала взаимодействия с окружающим населением, что особенно проявлялось во время различных праздников. Не смотря на то, что в своем большинстве старообрядцы не заключали брачные союзы с иноверцами, имели место быть случаи, когда отдельные из их числа связывали свою судьбу с представителями местного населения.

Список использованных источников и литературы

1. Друзенюк, О. В. Из истории старообрядчества на Витебщине / О. В. Друзенюк // Православие в общественной жизни: традиция и современность: сб. науч. статей / редкол.: Н. Н. Мезга (гл. ред.) [и др.]; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. – С. 42–48.

2. Друзенюк, О. В. Значение деятельности старообрядческого населения и его вклад в экономику белорусских губерний во второй половине XIX века / О. В. Друзенюк // Дни студенческой науки, Материалы XLIV студенч. науч.-практич. конф. / УО «ГГУ им. Ф. Скорины», Гомель, 28–29 апр. 2015 г. – Гомель, 2015. – С. 42–43.

3. Брянцев, М. В. Концепция труда в расколе / М. В. Брянцев // Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы Междунар. науч.-практич. конф., Гомель, 27–28 февраля 2003 г. ; под ред. О. Г. Яценко. – Гомель, 2003. – С. 33–35.

4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 952. Оп. 2 Д. 23. Л. 239–243.

5. Аўсейчык, У. Я. Стараверы беларускага Падзвіння ў канцы XIX – пачатку XX ст.: асаблівасці рассялення і ўзаемадзеяння з мясцовым насельніцтвам / У. Я. Аўсейчык // Религия и общество – 13 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 175–178.

6. Табунов, В. В. Взаимоотношения старообрядцев, православной церкви и государства на белорусских землях в конце XIX – XX стст. / В. В. Табунов // Религия и общество – 10: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. . Кулешова, 2016. – С. 85–87.

7. НАРБ. – Ф. 952. Оп. 2. Д. 2. Л. 194–195.

8. Овсейчик, В. Е. Этнические группы северной Беларуси в представлениях белорусского населения / В. Е. Овсейчик // Живая старина – 2020. – № 4. – С. 37–40.

9. Кармянскі, Ю. 30 дзён на дынамічным перапісу. (Чачэрскі раён) / Ю. Кармянскі // Наш край. – 1930. – № 3. – С. 43–50.

10. Сафронов, П. М. Особенности празднования дня Святой Троицы старообрядческой общины в Видзах в XIX-XXI вв. / П. М. Сафронов // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы междунар. науч.-практич. конф., Витебск, 22–23 окт. 2021 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 160–164.

11. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1354. Оп. 3. Д. 11. Л. 21–24.

12. Касперович, Г. И. Русские / Г. И. Касперович // Кто живет в Беларуси / А. В. Гурко [и др.] ; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 204–269.

13. Хурсан, Т. І. Асаблівасці вясельнай абраднасці стараабраднікаў-беспапоўцаў Беларускага Падняпроўя (на матэрыяле палявых этнаграфічных даследаванняў аўтара) / Т. І. Хурсан // Этнологія : традыцыі і сучаснасць: зб. навук. Арт. / пад навук. рэд. Н. П. Мартысюк. – Мінск : РІВШ, 2016. – С. 96–103.

14. Байтасова, А. Р. «Старообрядцы» на Бобруйшчыне (по материалам экспедиции по Бобруйскому району / А. Р. Байтасова, В. Г. Писаренко // Культура и быт белорусов в этнографических исследованиях и музейных коллекциях: мат. Международной науч. конф.; 7–8 июня 2012, г. Минск / Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Нац. Акад. Наук Беларуси ; А. И. Локотко (гл. ред.). – Минск : Право и экономика, 2012. – С. 143–148.